

ИРИНА БУЛЫГИНА

А У НАС В

КВАРТИРЕ...

Ирина Булыгина
А у нас в квартире...

«Автор»

2023

Булыгина И. С.

А у нас в квартире... / И. С. Булыгина — «Автор», 2023

Искренне, легко и иронично рассказывая о простых домашних вещах и бытовых традициях обычной московской семьи, автор говорит о важном и серьёзном. У кого-то книга вызовет тёплые воспоминания и ассоциации, у кого-то – стремление создавать свой домашний мир, кому-то поможет лучше понимать своих родителей. Она написана для друзей, чтобы их развлечь и подарить чуть-чуть душевного тепла. Но каждый читатель сможет почувствовать себя в их числе и немного согреться у «домашнего очага».

© Булыгина И. С., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ПРОСТО ТАК	5
ГАРДЕРОБ	8
ЮБКИ	12
ШТАНЫ	16
КАБЛУЧКИ	20
ПАЛЬТИШКИ	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирина Булыгина

А у нас в квартире...

*Посвящается ровесникам московских пятиэтажек,
рекомендуется их детям и внукам!*

ПРОСТО ТАК

Знаете детское стихотворение «А что у вас?» С. Михалкова? Как сидели во дворе детишки, которым «делать было нечего», и рассказывали друг другу «просто так», что у кого в квартире есть, и кто там живёт. Они рассказывали о родительском доме и о себе. Уж не знаю как вам, а мне в детстве хотелось продолжить это стихотворение, тоже рассказать о своём доме, обычном доме, как у них и у вас.

Шли годы, а я так и не рассталась с этой мыслью, она, видимо, засела где-то в подсознании и только периодически возникала в виде вопроса: «А как рассказать своим детям о себе, о своём времени и об их бабушках и дедушках, чтобы они не заскучали?» И ответа не было.

Потом на нас набросились коронавирус и прочие неприятности, вызывающие порой тревогу и растерянность. В какой-то момент мне стало ясно, что нужно как-то выбираться, нужно искать опоры, чтобы не затосковать окончательно. А какая главная опора для каждого из нас? Конечно, семья и родной дом – наш маленький домашний мир, который мы создаём сами, бережём и любим!

Мы помним своих родителей, помним и предметы, создававшие образ родного дома. Мы и сами стали родителями, даже бабушками и дедушками, мы населяем свои дома вещами – молчаливыми нашими попутчиками, мы создаём материальную историю наших семей. Что-то сохраняется, что-то безвозвратно теряется. Перебирая те вещи, что остались, или вспоминая те, что были, или наталкиваясь случайно на похожие в домах знакомых, на блошинных рынках и в антикварных магазинах, мы цепляемся за них глазами, и в памяти всплывают воспоминания... Они как бы начинают говорить. Надеюсь, они помогут мне рассказать о моём поколении, о поколении наших родителей и немного порассуждать о настоящем. Станут нашими помощниками, а может, и гидами в путешествии во времени, отправиться в которое я вас приглашаю.

Здесь, наверное, нужно представиться, а заодно и попробовать определить, что я вкладываю в понятие «моё поколение», поскольку определения нам до сих пор не дали ни социологи, ни журналисты.

Исторически мы – те, кто родился в 50-60-е годы прошлого века, следовательно, нам сейчас плюс минус 65 лет. Мы рождены людьми, чьё детство и юность совпали с войной, чьё становление проходило вместе с послевоенным восстановлением страны и её избавлением от тоталитаризма. Когда наступила хрущёвская оттепель, наши родители были в самом активном возрасте: 30–40 лет. Они были поколением, устремлённым в будущее, к миру и счастью, к благополучию своей любимой страны. Конечно, у них была масса проблем, но не они определяли настроение страны. Мир, воцарившийся на земле, позволил нашим родителям подняться в пирамиде потребностей сразу на высшие уровни. Базовые физиологические потребности и потребность в безопасности были более-менее удовлетворены, а уж на фоне пережитой войны – удовлетворены сполна. Они ощущали свою принадлежность к народу-победителю, народу, строящему самое справедливое общество. Потому, как в песне, «всё выше, и выше, и выше...». В недрах его вызревали и реализовывались грандиозные замыслы и идеи. Можете ли вы сейчас представить, что главным событием в жизни общества будет новая книга, или фильм, или полёт

в космос? А героем поколения будет Хемингуэй или Фидель Кастро, и люди будут искренне переживать за судьбу негров в США? Идеалисты? – Да. Мечтатели? – Да.

Но они выросли, обзаводились семьями и, главное, у них появилось то, чего многие были до той поры лишены: дом (в широком смысле). Эвакуации, великие стройки, тотальная миграция населения остались в прошлом, они перешли к оседлости. Конечно, поспособствовала этому и государственная политика всеобщей паспортизации и прописки. Наличие прописки давало привилегии и в устройстве на работу, и в учёбе, и ряд других. А чтобы получить её, нужно было жильё. Так что наличие жилплощади, на которой можно «прописаться», приобрело очень большое значение.

И как раз в это время развернулось массовое строительство. Панельное домостроение, строительство целых кварталов быстровозводимых домов в то время стало безусловным благом: люди расставались с коммуналками и переезжали в отдельные квартиры, пусть маленькие, пусть не очень удобные, но отдельные, «СВОИ». В этих отдельных квартирах и выросло наше поколение. Мы – их ровесники!

Так что я определила бы его так: мы – первое в СССР «домашнее», оседлое поколение. Наше детство прошло без переездов и метаний, большинство из нас поступали и учились в одной и той же школе все 8–10 лет. У нас сформировалось понятие «малой родины»: моя квартира, мой дом, мой двор, моя школа, моя улица, парк, магазин, мой район. Даже часть города, если город большой. Например, у москвичей моего поколения есть понятие «моя Москва», включающее район, где прошли детство и юность. Для меня это Кунцево и западный сектор города. А другие районы, конечно, тоже Москва, но не «моя», чужая.

Новая квартира – это ещё не дом. Её нужно населить мебелью, вещами, предметами, обустроить и полюбить. В неё нужно вдохнуть жизнь!

Люди взаимодействуют с предметным миром всю жизнь. И не только мы воздействуем на предметы, создаём их или разрушаем, приобретаем или отказываемся, ремонтируем, обслуживаем и ещё много чего делаем. Предметы тоже воздействуют на нас, формируют характер и способы восприятия мира, а иногда – и подчиняют нас себе. Когда растут дети, их главной деятельностью является освоение окружающего мира, не только мира людей, но и мира предметов. И этот процесс через узнавание, освоение и присвоение не только создаёт «образ мира», но и обеспечивает адаптацию человека к жизни в той или иной социальной и предметной среде.

Наше поколение выросло в предметной среде, созданной нашими родителями в 60-е годы двадцатого века. Они с энтузиазмом создавали домашний мир, обустраивали, обставляли квартиры, наполняли их предметами надолго, исходя из своих представлений, возможностей и того, что могла предложить на тот момент советская торговля. И хотя у них не было права частной собственности, но чувство собственника, даже любви по отношению к жилью были. Квартира стала не временным пристанищем, а величиной постоянной. Это их настроение замечательно выражено Ю. Визбором в песне «Ходики»:

«Когда в мой дом любимая вошла,
В нём книги лишь в углу лежали валом.
Любимая сказала: «Это мало.
Нам нужен дом». Любовь у нас была.
И мы пошли со старым рюкзаком,
Чтоб совершить покупки коренные.
И мы купили ходики стенные,
И чайник мы купили со свистком.
Ах, лучше нет огня, который не потухнет,
И лучше дома нет, чем собственный твой дом,
Где ходики стучат старательно на кухне,
Где милая моя и чайник со свистком...»

Да, во многом мы разные, и родители наши, и семьи были счастливы и несчастливы по-своему. Но большинство из нас в силу обстоятельств жило примерно в равных условиях, в похожих квартирах, обставленных примерно одинаковой мебелью. Можно сказать, что именно они сформировали нашу общность, во всяком случае, наше общее трепетное отношение к ценности своего дома, своей квартиры. Поэтому, когда я пишу здесь о своём доме, о домах моих родных и друзей, то предполагаю, что перекидываю мостики к вашим воспоминаниям о ваших домах, о ваших домашних мирах. Надеюсь, что в наших с вами воспоминаниях найдётся много общего.

Не каждый может и хочет рассказывать о себе, боясь быть навязчивым, и даже среди самых близких не всегда находятся внимательные слушатели. Мы всё время спешим, нам некогда, мы заняты собой. И, в итоге, опаздываем... Когда возникает неодолимое желание поговорить со своими родителями, бабушками и дедушками, их уже с нами нет. Думаю, многим из вас это знакомо.

Но с нами осталась предметная история наших домов. Так давайте «просто так» расскажем друг другу о предметах, которые создают нашу домашнюю среду обитания, наш домашний мир. О том, как мы влияем на них, а они – на нас, как мы взаимодействуем. Я буду рассказывать о вещах из моего дома, а вы, возможно, продолжите, вспомните о своих!

Начнём?

Какая мебель в первую очередь нужна нам (в нашей культурной и бытовой традиции), чтобы пустые стены новой квартиры или комнаты превратились в жильё? Кровать (чтобы спать и сидеть), стол (чтобы есть или, например, писать), гардероб (для хранения многообразных «сокровищ» наших домов). Это триединство, кстати, отражено и в концепции мебелировки гостиничных номеров, как необходимый минимум. Далее следуют предметы второго порядка: стул, письменный стол, журнальный стол, диван, кресло, телевизор, холодильник и т. д., и т. п.

Предлагаю прежде всего обратить внимание на эту главную троицу в квартире. Попробуем «услышать» их. И пусть наше путешествие немного развлечёт вас, хоть чуть-чуть улучшит ваше настроение!

ГАРДЕРОБ

Это слово, конечно, не русское, и звучание у него явно не наше, но уж так давно оно вошло в русский язык, столько в нём просуществовало, что и не считается иноязычным. А его двузначность: с одной стороны – шкаф для хранения одежды, а с другой – набор используемой одежды – как раз делает его здесь весьма уместным.

Хоть слово «гардероб» и давно известно, и многими активно использовалось, в моей семье оно было не в ходу. У нас был шкаф. Нельзя сказать, что он был «многоуважаемым», как у Гаева в «Вишнёвом саде» А. П. Чехова, но он был родным и, собственно, единственным для семьи из четырёх человек. Он был куплен в паре с раскладным диваном в пятидесятые годы прошлого века для обустройства 13-метровой комнаты в коммунальной квартире на улице Качалова (ныне Малой Никитской). Насколько я помню, больше там никакой мебели и не было. Брат спал на раскладушке, моя кровать состояла из составленных стульев. Иначе мы бы и не поместились на такой площади. Когда мы получили новую двухкомнатную квартиру с проходной комнатой в «хрущёвке» на Истринской улице в Кунцеве, – с нами переехала только эта дружная парочка: диван и шкаф. А поскольку в большой комнате (не гостиная, не зал, а именно – «большая комната», так она называлась) был встроенный шкаф, которым стали пользоваться родители, то парочку разлучили. Диван – в большую комнату, а шкаф – в маленькую, где поселили нас с братом.

В общем, шкаф как шкаф: двустворчатый, с полками и перекладиной для вешалок, не очень высокий, но глубокий. Он всегда производил впечатление огромного и тяжёлого. Но самым замечательным для меня было в нём то, что он был отделан шпоном из дерева (кажется, карельской берёзы, хотя это не точно), имеющим замечательные узоры. Поскольку шкаф был всегда перед глазами, я вольно-невольно рассматривала эти узоры дерева и видела там то чудесные цветы, то глаза, то головы каких-то существ, то горы, то реки... А ещё у него был замок с ключиком, как у Буратино. Замок в шкафы вставляли, видимо, в эпоху коммуналок, у нас он не использовался, а ключик был отдан мне в игры. Да и сам шкаф в играх участвовал.

Диван верно отслужил свою службу и был со временем заменён, а шкаф, уже в одиночестве, переехал с нами в другую квартиру и верно служил нам и тут. Его помнят и мои дети. Конечно, время шло, возникла необходимость замены мебели на более вместительную, более высокую, современную, количество вещей росло. Нашим гардеробам требовались уже другие гардеробы. Решено было от шкафа избавиться. И тут я поняла, что не могу с ним расстаться, что он часть моей жизни, моё детство, мои фантазии, мои воспоминания о родителях.

Думаю, очень многие представители моего поколения могут поделиться похожими чувствами. Одна из моих подруг уже несколько лет ходит вокруг родительского шкафа, который занимает половину коридора, не в силах с ним расстаться: разобрать невозможно, а выбросить – значит выбросить кусок детства, кусок жизни... Двоюродная сестра страдает об уничтоженном водой бабушкином сундуке («Помнишь, там был целый мир! Если бабушка разрешала в нём покопаться, можно было найти столько интересного!»)

В общем, мой шкаф был раскручен и разобран с тем, чтобы увезти его на дачу. Часть его (которая поместилась в легковую машину) туда и переехала, а часть устроилась у стеночки за новыми шкафами, где и застряла не на один год. Ну и пусть ждёт. Надеюсь, мы всё-таки соберёмся с духом и воссоединим, наконец, его разрозненные части, и будет мой любимчик в стиле «винтаж» развлекать новые поколения детишек в нашей семье.

Думаю, у многих есть какие-то особые воспоминания о тех или иных вещах, предметах. Эта «предметная» память очень ассоциативна, очень субъективна. Поэтому мне, например, не очень интересны даже антикварные, винтажные, но чужие вещи. У нас нет общей истории, они «молчат».

У меня, как, впрочем, и у многих представителей моего поколения, осталось не так-то много «говорящих» вещей. Мы были воспитаны родителями, которые с невероятной лёгкостью относились к комфорту, не стремились сохранять «старье», хотели жить в светлом, современном интерьере. Поэтому мои родители, например, могли вместо картины украсить стену эстампом (растиражированная графика), купить мебель, которая попадётся в магазине, стараясь подобрать её по функциональности, но совсем не обязательно – из одного гарнитура и даже одного цвета. Папа, увлекаясь живописью и будучи неплохим акварелистом, умудрился приобрести для нашей шестиметровой кухни мебель трёх разных цветов. (Правда, надо отдать ей должное: мебель была немецкая, из ГДР, а потому удобная и надёжная.) Гарнитура целиком одного цвета не было, тратить жизнь на погоню за мебелью он не собирался, а на вопросы, почему он так сделал, неизменно отвечал: «А что? Так даже веселее!» С этой разноцветной кухней мы весело прожили 30 лет! Мои родители не гонялись за коврами, за стенками, у нас они так и не появились. Я в детстве, кстати, мечтала о кресле, так мне его хотелось, что я даже складывала его подобие из подушек... Оно у нас тоже не появилось.

Наши родители, да и мы, разделяли судьбу страны. Они жили в коммуналках, потом получали небольшие квартиры, многие часто переезжали. Редко кто мог похвастаться тем, что живет в квартире, где прожили несколько поколений его предков. А при переезде старались не тащить старую мебель, которой, если честно, почти и не было, а купить новую, современную. Те же, у кого были дачи, свозили её туда, так же, как и старую одежду. Принцип: СТАРАЯ ОДЕЖДА МОЖЕТ ПРИГОДИТЬСЯ (из неё можно сшить (связать) что-то новое или использовать как «ветошку»), продиктованный неустойчивостью и бедноватостью жизни, накрепко вошёл в сознание и нашего поколения. Наполнение гардероба было важнее самого гардероба! Одежду можно хранить и в чемодане, её можно взять с собой при переезде или поездке, главное – без неё не обойтись! А мебель – да бог с ней, можно обойтись без неё какое-то время, а потом и купить. Нам трудно выбросить старые вещи и сейчас. Долгие годы у нас было почти традицией перед дачным сезоном собрать ненужную или надоевшую одежду и... отвезти её на дачу, положить там на чердак и благополучно забыть. Пожалуй, только последние несколько лет мы научились что-то из одежды выбрасывать, но, надо признать, этот навык ещё не отработан в совершенстве.

Интересно, что сейчас, когда массовая мебель стала «одноразовой» так же, как и одежда, у многих проснулся интерес и к старым вещам, и к старой мебели. Ещё лет 10–15 назад я с лёгкостью выбросила старый стул, набитый конским волосом, а сейчас считаю это преступлением, сейчас хочется восстановить даже то небольшое, что было отправлено в ссылку на дачу. Поиск старых предметов мебели увлек уже наших детей. Думаю, это – попытка подкрепить стабильность взаимоотношений в семье созданием её собственной предметной истории. К сожалению, чудесная мебель ИКЕА такой возможности не даёт: рано или поздно она развалится, и, как бы мы её ни любили, ремонту она не подлежит, и следующим поколениям её не передашь. А вот если подреставрировать что-то старое, найденное случайно (например, на помойке!), то даже бывшие чужими предметы «заговорят» на одном с тобой языке и будут рассказывать о нас уже нашим потомкам.

Абсолютной ценностью были и остаются книги. В Союзе за ними гонялись все, кто считал себя более-менее образованным человеком. Наше поколение выросло в атмосфере почти священного отношения к книгам. Поэтому выбросить книгу до сих пор – высшее кощунство! Купить интересную или просто хорошую книгу было большим счастьем. Покупка книг была и неплохим вложением денег, поскольку их можно было потом продать в букинистическом магазине или «с рук» на «чёрном книжном рынке» (в Москве он располагался на Кузнецком мосту и на Лубянке, около музея В. Маяковского), обменять на другую, оставить наследникам. Из первой своей поездки за границу (в ГДР) я привезла книги, изданные в СССР (какие-то сборники сказок, словарь В. Даля, двухтомник Чехова, какой-то детектив), только у нас их купить

было трудно, а там они продавались свободно. Я уж не говорю про собрания сочинений классиков! Подписки распределялись по организациям и предприятиям. И, если вам повезло, если вас поощрили этой подпиской, то вы становились счастливчиком, раз в месяц посещающим отдел подписной литературы крупного книжного магазина с целью выкупить очередной том и насладиться запахом свежизданной книги, хрустом ещё не открытого никем обреза страниц!

Ещё – литературные журналы, журналы «Огонёк» и «Америка». Тут – немного другая история. Дело в том, что они не продавались свободно, а распространялись по подписке. Тиражи были ограниченными, подписаться можно было только на работе, и то не всем. Даже когда я работала в НИИ Академии общественных наук, во время подписной кампании на наш институт выделялось, к примеру, 10 подписок на журнал «Новый мир» и 5 – на «Иностранную литературу». Точных цифр я сейчас не назову, да это и не важно. Важно то, что подписок было намного меньше, чем желающих. (Я вот думаю сейчас: «Почему тиражи ограничивали? Бумаги, что ли, не хватало? Или типографских мощностей?») Как мы их делили? Разыгрывали. Договаривались. Выписывали коллективно на отдел, а потом обменивались.

Естественно, выбросить прочитанный журнал, с таким трудом добытый, никому и в голову не приходило. И журналы у нас копились и копились. Мы с мужем, верные дети своих родителей, перевезли все накопленные журналы на новую квартиру, и только недавно, поняв, что они уже почти 30 лет лежат на антресолях и в шкафах, занимая место, которое лучше отдать книгам, а всё интересное, что там было, уже давно издано-переиздано, наступив на горло собственной песне и чувствуя себя немного предателями памяти родителей, от части их избавились. Но не ото всех!

У моих родителей была ещё одна бесспорная ценность. Мама – учитель истории, папа – журналист-газетчик. Поэтому в нашем доме ещё собирали... газеты! Конечно, не все... Но, например, стопками лежала газета «Правда» за несколько лет, а газета «Неделя» была переплетена и подшита. Несколько подшивков лежат у нас и сейчас. Зачем? Наверное, как память о родителях. Сейчас мне кажется, что у них была такая своеобразная игра: папа говорил, что ему для очередной статьи нужен тот или иной факт из старой газеты, и мама, как заправский архивист, перелопачивала стопки газет для его поиска. Иногда она это делала и для нас с братом, если нужно было подготовить какой-то доклад на урок. Нужно ли было для этого хранить газеты? Конечно, нет, всё можно было взять в библиотеке. Но, поскольку мама давно не работала и всё больше становилась домоседом, ей, как мне сейчас кажется, это доставляло удовольствие.

Избавиться от газет было невозможно! В эпоху активной борьбы пионерских отрядов за первенство в сборе макулатуры приходилось долго уговаривать родителей отдать стопочку-другую для победы. Окончательная победа над газетами произошла позже, когда за сданную гражданами макулатуру можно было получить талон на книгу-бестселлер (зарубежную авантюрную классику).

Так вот, если книги устраивались благополучно на книжных полках, то собрания газет и журналов занимали антресоли (если они были) и шкафы. У нас антресолей не было, поэтому ими была оккупирована половина шкафа в большой комнате. Вряд ли такой шкаф можно назвать гардеробом.

Шкаф без вещей – просто большой ящик. Наполняясь нужной и не очень нужной, любимой и не очень любимой одеждой, он становится гордым ГАРДЕРОБОМ. Он имеет тёмные углы, куда засовывается то, что и выбросить жалко, и носить не хочется, он с радостью подставляет плечики для наглаженных вещей, он бережно хранит шляпки, шарфики и всякие «секретки». Иногда он даже впускает обувь. А иногда служит домиком для детей и... кошек. (Во всяком случае, наша кошка всегда стремится шмыгнуть в шкаф и залечь там, если по недугу дверь осталась приоткрыта.) Ну, впрочем, о детях и кошках – как-нибудь в другой раз. А сейчас – о другом значении слова гардероб: одежда, носильное платье одного человека или

семьи (как оно обозначено в Толковом словаре Ушакова.) Послушаем, что «расскажут» некоторые члены «гардеробной компании», обитавшие в нашем шкафу.

ЮБКИ

Вот не люблю я юбки. И никогда не испытывала к ним нежных чувств.

Эта «нелюбовь» появилась ещё в детстве, а точнее – в школьные годы. И думаю, не у меня одной. А причин этому несколько. Во-первых, отсутствие колготок как таковых. Сейчас уже трудно представить, что было такое время, когда колготок в принципе не существовало. А все эти пояса, резиночки, чулочки, тем более – в довольно грубом исполнении, – весьма раздражали, да и не решали проблему тепла (особенно, если юбка короткая). Старшее поколение решало задачу за счёт панталон и рейтуз, но нам-то, девочкам носить панталоны даже в голову прийти не могло. Для меня большой радостью было наступление тёплых дней, когда можно было избавиться от этой ненавистной амуниции и надеть гольфы! Когда в классе третьем у одной из моих одноклассниц появились колготки, привезённые из ГДР, забрезжила надежда на скорое избавление от чулок.

Во-вторых, школьные лестницы. Почти всегда под ними оказывалась группа мальчишек, стремящихся заглянуть под юбки девочкам, поднимающимся вверх. Это напрягало и заставляло подниматься по дальней от перил стороне, вдоль стеночки. Мальчишек понять можно, но девочкам от этого легче не становилось. К этому в старших классах прибавилась и ещё одна «заковыка», на этот раз – связанная с учителями, а именно – допустимая длина юбки. В моду вошло мини, и, естественно, носить школьную форму «стандартной» длины мы не хотели. И пошёл процесс укорачивания, а следом – вал замечаний от учителей в устной или письменной форме. В принципе, понятно. Когда у половины класса из-под парт выглядывают не прикрытые ничем ножки, второй половине весьма трудно сосредоточиться. И в этом она (вторая половина) солидарна с Пушкиным:

*«Ах! Долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладельный,
Я всё их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.»*

В старших классах любых школ, во все времена музыку «заказывают» гормоны, и девичьи юбки были у них в подтанцовке.

Естественно, это продолжилось и дальше, в институте.

Вопрос только в том, что хочет женская натура. Если она хочет свободы, защищённости, равенства, то юбка будет сковывать, накладывать некоторые ограничения на поведение, на движения. Если же она стремится привлечь к себе мужское внимание, показать свою сексуальность, тогда юбка – главный помощник. Поскольку (извините за нескромность!) внимания от противоположного пола мне всегда хватало, то юбки меня, скорее, раздражали. Кстати, мой дорогой и любимый муж всю жизнь упрекает меня за нелюбовь к юбкам: «Когда уже ты станешь женщиной, вылезешь из брюк и наденешь юбку!» Иногда, чтобы порадовать его, я, конечно, надеваю юбки или платья и даже их шью...

Женская юбка, пожалуй, главный эротический элемент одежды. Но такой она была не всегда. Длинные юбки, скромные юбки ниже колена – это просто постоянная, повседневная одежда многих поколений женщин.

Наши мамы и бабушки всегда носили юбки. Я помню свою маму в брюках только один раз, и то – тогда, когда папа (фанат лыжни) наконец уговорил её встать на лыжи. Поскольку опыт оказался неудачным, мама упала и больше на лыжах кататься не пожелала, то и брюки (специально пошитые по этому случаю) отправились в глубину шкафа, откуда уже никогда и не выбрались. Прелесть юбок для всех поколений заключается и в том, что их пошив не

представляет особой сложности. Справиться может даже начинающая портниха, а пошив юбок в моё школьное время осваивали на уроках домоводства в школах следом за пошивом фартука. Оставалось только купить «отрез».

Это понятие означало кусок ткани, приобретённый для определённого изделия: отрез на пальто, отрез на костюм и т. д. Мама рассказывала, что после войны за работу по разбору разрушенных войной домов в Ростове-на-Дону ей дали премию: отрез на пальто. А из загранкомандировок мои родители привозили не готовую одежду, а тоже: отрезы английской шерсти, китайского шёлка... До сих пор у нас лежат дома некоторые из них, местами потраченные молью.

Купить «отрез» в СССР – это отдельная история. Бытует мнение, что во времена нашей молодости (совпавшие с эпохой застоя) всюду царил дефицит и мрачноватость. Это так, но не совсем... Были магазины с разнообразием и яркостью. И эти магазины назывались «Ткани». Наполненные ярким разноцветным товаром, взлетающим и волнуемым на столах для отмеривания и резки, они были весёлыми и пробуждающими фантазию. Преобладали, конечно, ситцы, но были и сатин, и крепдешин (это полупрозрачный шёлк), и штапель (смесь хлопка и вискозы), и лён с лавсаном, и шерстяные ткани. Сейчас многие названия тканей, не исчезнув совсем, ушли из активного употребления. Мы смотрим на то, сколько хлопка и сколько синтетики. Поскольку большинство тканей стали смесовыми, ушла «чистота жанра»: джерси, чесуча, драп, габардин, поплин, шевиот, бязь...

Так вот, уйти из «Тканей», не купив что-нибудь симпатичное, было невозможно. А дальше: швейная машина (которая была атрибутом почти каждого дома), выкройка и немного фантазии и навыков. Вот и юбка готова. Кстати, юбку можно сшить и на руках, если уж машинки нет.

С той поры и, пожалуй, навсегда, магазин «Ткани» – мой любимый магазин, я и сейчас могу болтаться там часами.

Сшить что-либо для меня не составляет особого труда. В моей практике шитья были и юбки, и брюки, и пиджаки, и пальто, и рубашки, и платья для мамы. Она, кстати, шить не любила и не особенно умела, а от электрической швейной машины шарахалась. Поэтому машинка была отдана в полное моё распоряжение очень рано, что, конечно, способствовало быстрому освоению премудростей шитья.

Сейчас много готовой одежды, и шить, порой, лень, но я рада, что был в моей жизни период, заставивший меня научиться шить, и шить много. Именно тогда сформировался один из главных принципов моей жизни: **ЧЕМ БОЛЬШЕ ТЫ УМЕЕШЬ САМ, ТЕМ ТЫ БОЛЕЕ СВОБОДЕН!** В то время, уверена, это был не только мой принцип. Жизнь заставляла. Проще было научиться менять прокладки на водопроводном кране самому, чем вызывать сантехника и потом торговаться с ним из-за оплаты, проще было научиться ремонтировать машину, квартиру, бытовую технику, чем найти мастера. Это сейчас мы разбаловались и стали предпочитать доверяться профессионалам. Ха! Тем самым стали более зависимы, а значит – менее свободны! Надолго ли?

Мода на юбки была, пожалуй, самой изменчивой, поскольку поменять силуэт юбки легко: прежде всего – длина, но и крой (прямой или косой), разрезы, воланы, сборки, я уж не говорю о плиссе и гофре...

А ещё прелесть юбки в том, что её можно перешить из чего-то старого, даже потёртого. Был даже такой термин: перелицевать одежду, то есть изнаночную сторону сделать лицевой, а лицевую, потёртую или выцветшую – изнаночной. Так поступали даже с костюмами и пальто.

Лишь одна юбка попала в разряд моих любимых. Я сшила её, когда училась в институте. А была она из двух ситцев в горох: красного и зелёного, скроенных такими большими крючками и сшитыми между собой, – разноцветная спираль. Юбка была смешная, летящая, и я

заносила её до дыр. (Мой любимый дядя, в ту пору часто наезжавший в Москву в командировки, увидев мою к тому времени дырявую юбку, перешедшую в разряд домашней одежды, был потрясён и долго потом в телефонных разговорах ехидно спрашивал о том, как там поживают дырки...)

Пожалуй, юбка, как никакой другой элемент одежды, даёт возможность без особых усилий выделиться из толпы, если ты этого хочешь. Всегда можно сшить такую, которой не будет ни у кого.

Ну вот, кажется, я сама себе противоречу: с одной стороны заявила, что юбки не люблю, а с другой стороны, пою им хвалебную оду. Объясню. Просто мне стало жаль того, что юбки в их разнообразии и фантазийности почти ушли из гардероба современных женщин (особенно – девушек). Достаточно посмотреть на толпу людей на московских улицах. Много мы увидим юбочек? Джинсы, брюки, шорты преобладают. Да, есть религиозные дамы (любых религий) в длинных юбках, но я не о них. Я о весёлых, летящих нарядах, как цветы, украшающих толпу, особенно в тёплые месяцы года. Я о моде на юбки. Вот какие юбки в моде сейчас? А в прошлом году? Раньше ответ был готов сразу: мини, миди, макси, клёш, шестиклинка, плиссе, гофре и т. д.

Что же случилось? Ведь от юбок мы отказались очень быстро, в историческом смысле – моментально.

Предпосылки этому перевороту были всегда. О некоторых из них я уже сказала. Можно прибавить к этому отсутствие тепла (особенно – зимой, ну не рейтузы же носить!); зацепки и дырки на чулках и колготках при неловком движении; мода поколения хиппи (брюки-клёш и джинсы). Для меня немаловажным стало и появление журнала «Бурда» (слава ему!), в котором были вполне приличные выкройки брюк, что значительно упростило их изготовление в домашних условиях. Общественное мнение тоже стало более благосклонным. Мы помним времена, когда женщина не могла появиться на работе в брюках, девчачья школьная форма предполагала только юбки, а о шортах мы вообще могли только мечтать (даже мужчины, даже на югах).

Но массовый переход от юбок к брюкам связан не с этим. Причина кроется в женской физиологии, в тех самых «критических днях», которые обрушиваются на женский организм и заставляют вносить коррективы в одежду. При прежних средствах женской гигиены только юбка могла кое-как обезопасить от появления нежелательных пятнышек в нежелательных местах. И женская одежда всегда развивалась с учётом этого фактора: юбки, юбки, юбки, и чем пышнее, чем многослойнее – тем лучше. Революцию совершили... прокладки, тут уж как ни крути – из песни слов не выкинешь! Они дали свободу выбора, женщины вскричали «Ура!» и... выбрали брюки. Это замечательно! Но есть и одно НО.

Любовь женского населения к брюкам была быстро подхвачена производителями одежды для масс и появилось направление «унисекс». Удобно. Практично. Тепло. СКУЧНО!

Юноши и девушки, мамы и папы, бабушки и дедушки – все одинаково одеты: брюки, кроссовки, куртки (когда холодно). И только по большим праздникам, да и то – не все и не всегда, – мы ещё вспоминаем о юбочках и платьях, пылящихся в шкафах.

Одежда «унисекс» – один из элементов гендерного равенства, которое само по себе – замечательное достижение современного мира. И тут я обеими руками «за». Но оно не должно нивелировать женскую природу, женскую хрупкость и привлекательность, ранимость и особое предназначение в этом мире. Может быть, тогда и мужчины станут лучше ощущать свою особость, свою ответственность, свою роль. Рискну предположить, что и нынешняя чехарда в вопросе гендерного самоопределения возникла в том числе из-за изменений восприятия образа противоположного пола у поколений, сформировавшихся в одежде «унисекс».

Я не люблю юбки. И никогда не испытывала к ним нежных чувств.

И я никогда не стремилась быть хрупкой женщиной, не умеющей гвоздя забить, я не люблю разделения на чисто женские и чисто мужские роли в семье. Но порой мне очень хочется, чтобы мода на юбки вернулась!

В пандемию, которая напустила на нас тоску и страх, я, спустя долгое время, сшила юбку, смешную, в стиле «бохо», немного вычурную и затейную. Она доставила мне радость, дала ощущение разнообразия и движения жизни. Я видела, как цеплялись за неё глаза прохожих, и надеюсь, что им тоже становилось веселее.

Теперь мы погрузились в ещё более мрачную историю... Шить юбки пока не хочется...

ШТАНЫ

Звучит немного грубовато и простовато для столь любимого мною предмета одежды, но как ещё, одним словом, обозначить многообразие брюк, джинсов, спортивных штанов, лосин, леггинсов и прочего? Всё это в нашем домашнем обиходе обозначается как штаны.

Долгое время привилегия носить штаны принадлежала мужчинам. А тон задавал мужской костюм. Старшее поколение нашей семьи, и дедушки, и папа, и дядя не мыслили другой одежды для выхода из дома. Брюки и пиджак. Как без них! Есть костюм – и ты одет, и можно идти хоть на работу, хоть в кино или театр, хоть в магазин. Достаточно иметь один костюм. Костюмы покупали или шили на заказ из тех самых «отрезов», о которых я уже писала.

Безусловным королём костюма в нашей семье был папа. Он умел его выбрать, умел носить, его работа предполагала необходимость носить костюм, и он чувствовал себя в нём очень комфортно. Но хороший костюм был удовольствием довольно дорогим, поэтому он был, как правило, один. А к нему 2–3 рубашки и несколько галстуков, что и вносило разнообразие.

Так вот, костюм был один, носился он до той поры, пока ткань не начинала блестеть на брюках и локтях пиджака, и тогда вставала проблема покупки нового костюма. Обычно это происходило раз в год. Это была общесемейная проблема. Во-первых, нужно было выделить сумму из семейного бюджета, а это было непросто в семье из четырёх человек, где работал один (хоть и зарабатывал по тем временам весьма прилично). Во-вторых, определиться со способом его приобретения: шить или купить. Поскольку фигура у папы позволяла, он предпочитал покупать костюмы. Отсюда третья проблема – где купить. Но здесь папа был, что называется, дока. Удивительно, но в Москве, в эпоху дефицита он покупал себе настоящие английские шерстяные костюмы. Причём отнюдь не в каких-то «закрытых», элитных, а в самых обычных магазинах одежды. И покупал не только себе. Когда приезжал к нам муж маминой сестры, ставший родным и очень близким человеком всем нам, а отцу – лучшим другом, они собирались вдвоём на поиски костюма, и им всегда сопутствовала удача. Это было мероприятие на целый день, заканчивающееся бурным празднованием успешной покупки.

Мужской костюм требует к себе уважения. Во-первых, брюки нужно гладить, а в то время – заглаживать на них стрелки; во-вторых, его нельзя было стирать (ткани были натуральные, и при стирке могли сесть или деформироваться), а только чистить, причём регулярно – в химчистке; в-третьих, уж для костюма-то необходимы были плечики и шкаф. И, наконец, костюм нужно любить и уметь носить. А это не всем удаётся. Мой любимый брат, например, за свою жизнь так и не нашёл с костюмами взаимопонимания. Даже когда он стал успешным бизнесменом и обзавёлся кучей всяких костюмов, и купленных, и пошитых на заказ. Они ему не шли, существовали на нём как нечто отдельное, чужеродное, немного пафосное. И это было странно при его спортивной фигуре.

Мой муж откровенно не любит костюмы и не скрывает этого. Они ему мешают, стесняют, сковывают движения. Поэтому он приобретает и надевает костюмы только в связи с очень значимыми событиями. Последним по времени таким событием была свадьба старшего сына пять лет назад. С тех пор костюм «отдыхает» в шкафу. На свадьбу и сыновья обзавелись костюмами (школьные костюмы не в счёт) и начали строить свои с ними отношения. Пока младший сын преуспел в этом больше, он приобрёл потом ещё костюм, и ещё. Мне кажется, он нашёл с ними взаимопонимание и чувствует себя в них прекрасно. Старший же надевает костюм только по очень большой необходимости, когда этого требует официальное мероприятие, и вылезает из него при первой возможности.

Человек одевается прежде всего для себя. Кто бы что ни говорил, как бы не оценивал ту или иную вещь, какой бы модной, дорогой, красивой она не была, если человеку в ней некомфортно, если она не совпадает с его «образом Я», человек становится зависимым. И это все-

гда заметно. Кроме вербального способа общения, есть ещё и язык тела, которым управлять сознательно весьма сложно, а вот считываем мы его легко. Осанка, неловкость движений, спотыкания, неконтролируемые движения рук, подправляющих, поглаживающих, придерживающих тот или иной элемент одежды выдают отсутствие «родства» с ней. Только самоощущение и зеркало, только ответ на вопрос, нравится ли тебе твоё отражение в зеркале, формируют свободу, раскованность, уверенность. Да, мы смотримся в других людей, как в зеркало, мы зависим порой от их отношения и оценок, но, если мы смотрим в это людское зеркало спокойно и с улыбкой, отражение нас не расстроит.

В общем, отношение моих мужичков и мужского костюма – дело сложное, и хорошо, что у них сейчас есть выбор, а костюм перестал быть универсальной одеждой на все случаи жизни.

Отличительная черта мужского костюма – пиджак. А вот основа его, основа всей мужской, а теперь и женской одежды – брюки. Если пиджак – консерватор, то брюки – натура переменчивая, непостоянная. Широкие и узкие, расклешённые и укороченные, со стрелками и без. А уж когда они попали в женский гардероб, с ними стало происходить что-то совершенно легкомысленное, вплоть до обтягивающих все возможные женские прелести лосин и леггинсов (а ведь тоже – штаны!).

Мой роман с брюками начался где-то в начале семидесятых, в конце школы и начале учёбы в университете. В те годы в соседнем подъезде жила семья довольно известного учёного-международника. Так вот его жена, очаровательная казашка Дина, любившая сама шить и считавшая, что это должна уметь каждая женщина независимо от социального статуса, разглядев во мне верного последователя, стала подкидывать мне журналы «BURDA» с выкройками. Надо сказать, что оригинальная «BURDA» существенно отличалась от появившейся позже русскоязычной версии: она была в несколько раз содержательнее и интереснее, выкроек было огромное количество. И там были выкройки женских брюк, причём расклешённых!

К нам тогда уже долетели отголоски движения хиппи, все мы немножко «хипповали», мальчишки вставляли клинья в брюки, осваивали гитары. Идейная составляющая движения отсутствовала напрочь, а вот атрибутика просачивалась. А если ты имеешь брата, помешанного на Beatles, а если он привозит из своей первой командировки магнитофон с записями рок-оперы «Иисус Христос – суперзвезда» и Pink Floyd, и ты слышишь их впервые... Никакие мои комсомольские регалии не могли остановить стремление к брюкам – клёш (как не могли заставить не носить мини-юбки). И, вооружившись выкройкой, я их сшила! Причём, насколько я помню, из габардина (добротного отреза английской шерсти для мужского костюма, не востребованного родителями). Ткань дорогая, добротная, красивая, но для клёшей совершенно неподходящая, поскольку без подкладки она кололась нещадно. Но ничего, я терпела и была довольна.

Я переносила в своей жизни огромное количество разнообразных штанов. Я их шила и покупала, шила себе и сыновьям, укорачивала, переделывала, зауживала, расширяла... Когда купить джинсы было проблемой, шились штаны а-ля джинсы, когда старший сын увлёкся панк-культурой, на свет появились красные штаны в клетку, когда его друг решил, что от ширины штанин его джинсов зависит его успешность на любовном фронте, мы решили и эту проблему... Открывая свой шкаф, я иногда пугаюсь того количества штанов, которые там находятся. Но они верно служат мне всю жизнь. А я их преданный поклонник.

И, всё-таки, одни штаны стоят на вершине иерархии моих штанов, да и всего остального гардероба. Это джинсы.

Мы с мужем вообще – абсолютно джинсовая пара. Я не могу сказать, что мы – из джинсового поколения, поскольку не все наши ровесники питают к джинсам такую же любовь. Не могу сказать, что вся наша семья – поклонники джинсов. Наши сыновья любят джинсы, но не так «пламенно», как мы, легко заменяют их на другие штаны, благо, выбор теперь большой. Наша же страсть к джинсам на грани патологии: в любом магазине одежды мы первым делом

изучаем отдел с джинсами, практически из каждой поездки за рубеж мы привозим джинсы, когда нужно одеться куда-то, чтобы было и стильно, и комфортно, мы, перебрав и перемерив кучу одежды, выбираем в итоге подходящие по цвету и фасону джинсы. Наверное, в этом наша ущербность. Наверное, нужно менять свои представления о стиле и становиться более респектабельными, всё-таки, мы уже бабушка и дедушка, да и социальный статус, порой, обязывает. Мы работаем над собой, но, если честно, без особого успеха.

Что делать, если мы принадлежим практически к первому «джинсовому поколению» нашей страны. И, кроме собственных достоинств джинсов как предмета одежды, у нас связаны с ними свои истории и ассоциации. Муж, например, может рассказать, что при отсутствии настоящих джинсов замещал их «техасами» («чухасами», по его выражению) – тоже довольно удобными рабочими штанами, тоже – с отстроченными швами и карманами. Это была такая советская замена джинсам, только не из джинсовой ткани, и не цвета индиго. Ещё он расскажет о покупке своих первых джинсов через фарцовщиков (которыми часто оказывались студенты из Польши) в университете, и о том, как отдал за них всю стипендию.

А я помню а-ля джинсы родом из Индии и Польши, которые были «нужного» цвета, но состав ткани был не тот, они были тонковаты и покрашены однотонно. В конце 70-х наша промышленность «напряглась» и выпустила первые отечественные джинсы из ткани «Орбита». Для многих эти джинсы стали первыми в жизни. За ними выстраивались гигантские очереди. Но, к сожалению, надежду руководства страны, что они собьют спрос и спекуляцию, это изделие не оправдало. Они были похожи на джинсы только до первой стирки. А после стирки ткань давала усадку, корёжилась, а цвет, вместо того чтобы белеть, становился ярче. Конечно, многие их покупали и носили, ведь настоящих-то не видели!

Первые «настоящие» джинсы Лее мне привёз брат. Правда, они оказались размера на два больше. Пришлось их ушивать в поясе, стараясь хоть как-то сохранить образ. Конечно, ушила и носила их несколько лет к полному своему удовольствию и зависти окружающих.

Это теперь я стараюсь ни в коем случае не трогать, не подгонять джинсы, даже не укорачивать (делаю это, только если другого выхода совсем нет или от этого зависит «успех на любовном фронте»), потому что все эти манипуляции совсем их не украшают. Но тогда это не имело никакого значения. Я таскала их и в университете, и на работу, и ни в какой другой одежде лучше себя не ощущала. Мой «образ Я» и его отражение в глазах окружающих людей полностью совпадали. В ту пору мы познакомились с моим будущим мужем, между нами побежали «флюиды», как говорили наши друзья. Наверное, джинсы тут ни при чём... А впрочем..., кто знает?!

Джинсы для нас в то время были одеждой «говорящей». Надевая их, мы подсознательно подчёркивали: мы молоды, раскованы, свободны от мнения окружающих. И, кстати, никто нас не осуждал, не призывал соблюдать дресс-код. Даже в АОН при ЦК КПСС, где мы работали в научно-исследовательском подразделении и где учился кадровый резерв партии. (Эти ребята, кстати, в Академию в джинсах не ходили.)

Потом были другие джинсы, других производителей, была джинсовая одежда (куртки, юбки из «джинсы» или денима, если точнее), их научились шить многие, да и сами джинсы менялись, появились молнии в застёжке, женские джинсы, джинсы зауженные, тянущиеся, широкие. В общем – разные. Когда была мода на «варёные джинсы», мы создавали их из каких-нибудь польских джинсов, вываривая в отбеливателе. Если в магазинах появлялась импортная джинсовая ткань, мы шили джинсы сами, а потом в мастерских металлоремонта ставили заклёпки, а швы тёрли пемзой. Такие джинсы назывались «самопальные».

Но самыми лучшими для меня были и останутся в памяти те, первые, привезённые братишкой из Африки в середине 70-х годов XX века.

Собственно американских джинсов у меня до последнего времени больше и не было.

Волей судьбы оказавшись в Штатах, я вдруг поняла, что там джинсы так и остаются повседневной, даже – рабочей одеждой для многих. Культ джинсов был у нас. А там джинсы Wrangler продаются в гипермаркетах уровня Ашана и стоят совсем недорого, хоть и джинса настоящая, и цвет, что надо. И как вы думаете, купила ли я очередные джинсы? Вопрос риторический.

КАБЛУЧКИ

И кто только их придумал, кто ввёл в женский гардероб...

История вопроса свидетельствует, что каблуки были нужны для того, чтобы нога прочнее держалась в стремях при езде на лошади. Оправдано, логично, функционально. Потом их стали использовать монаршие особы обоих полов, чтобы возвыситься над приближенными. Особенно это было нужно тем из них, кто сам обладал маленьким ростом. Тоже мотив ясен. Наличие каблуков, да ещё определённого (красного во Франции во времена Людовика XIV) цвета демонстрировало принадлежность к знати. Что ж, кто-то ставит пятно на лбу, кто-то носит «Rolex», кто-то красные каблуки – нефункционально, но смысл имеет.

Но почему нужно было вводить их в массовую женскую моду? Это явно сделал мужчина. Собственно, и обувщиками во все времена были мужчины, что ж удивляться. Да, женщина на каблуках выглядит стройнее. Да, каблуки зрительно удлиняют ноги, а женские ножки – мощный эротический элемент. И наверняка при прочих равных условиях, мужчина обратит внимание именно на женщину на каблуках, даже рискуя при этом проиграть ей в росте. А многим женщинам это приятно, каблуки давно стали «секретным оружием» женщин в борьбе за мужские сердца. Но любоваться ножками на каблуках – одно, а вот передвигаться на каблуках – совсем другое. Поэтому и отношение к ним непостоянное. Красиво (модно, престижно) – неудобно (вредно, опасно). Так и колеблются весы, и перевешивает то одно, то другое. Это продолжается веками: каблуки то входят в моду, то стремительно вылетают из неё.

Моё отношение к обуви на каблуках нельзя назвать позитивным. Хотя моя молодость совпала с периодом, когда они были в большой моде. Собственно, обуви без каблука, кроме кедов и сандалий, и не было. Хоть маленький каблучок, даже широкий и неуклюжий, был на всей обуви. Женщины настолько с ним свыклись, что многие чувствовали себя без каблука некомфортно даже в домашних тапочках.

Конечно, я носила обувь на каблуках: и босоножки, и туфли, и сапоги. Единственные каблуки, которые я не носила, были средней высоты (3–4 см): мне они представлялись ужасными, ни то ни сё, какие-то подпорки. Каблуки должны были быть высокими, тонкими. И ходили мы на них и зимой по льду, и по скользкому полу, и по грязи. И бегали за автобусами, и балансировали с тяжёлыми сумками в руках по дороге из магазина. Вы спросите: «Почему?» А всё довольно просто. К сожалению, купить обувь хорошего качества в нашей стране было проблемой. Тут уж что есть, то есть. И самым печальным для меня, например, было то, что вот обувь-то я сама сделать не смогу. Можно сшить, связать одежду, можно соорудить сумку, а вот с обувью – западня, абсолютная несвобода и зависимость от обувных фабрик, от поставщиков обуви, от магазинов, от знакомств...

И вот представьте: подступает зима, и нужны зимние сапоги. И не просто для того, чтобы было тепло, но, чтобы и красиво, и добротно, чтобы и на работу, и в театр можно было пойти. А поскольку зимние сапоги были довольно дороги, то можно было позволить себе купить одни, но уж на все случаи жизни.

В магазинах – «огромный» выбор обуви под общим названием «прощай молодость». Тихо, уныло, безлюдно. И тут замечаешь, как у обувного магазина или отдела стремительно образуется толпа, быстро реформатируясь в очередь. Бежишь, занимаешь очередь, а потом уж спрашиваешь:

- Что выбросили?
- Сапоги.
- Чьи?
- Югославские.

Ооо! Ну, тут и думать нечего. И уже неважно, какого они цвета, какого фасона, удобно тебе будет или нет. Стоишь (часа так три), покупаешь и, переполненная счастьем, несёшь эту обувную коробку по улицам. Это если повезёт, и достанется твой размер. Прохожие или коллеги, если пришлось отпроситься с работы в очередь (отпускали, кстати, всегда), спрашивают: «Что давали? Где достала? Что выкидывали?» Глагол «купить, купила» был совершенно неуместен. Да и вопрос цены не стоял. С деньгами мы всегда выкручивались: можно было накопить («отложить на что-либо»), занять у друзей, соседей, коллег (очень распространённая практика), наконец – взять в кассе взаимопомощи на работе (великая вещь: и удобно, и никаких процентов)!

Дома начинаешь соображать, зачем ты это купила, с чем это носить, подходит это тебе или нет. Хорошо, если ответ будет положительным. Но это бывало не всегда. И что делать? Можно предложить знакомым (только близким, чтобы не заподозрили в спекуляции) или положить куда-нибудь в дальний угол шкафа «до востребования». У меня была пара таких случаев, один из них – с теми самыми югославскими сапогами. Они были бордовыми и на высоком каблуке, и ни к чему, на мой взгляд, не подходили. Я их не продала, и они пролежали, новенькие, лет 10 на антресолях, а потом были выставлены к помойке. Надеюсь, кому-то они пригодились. А я в тот год так и проскакала всю зиму в осенней обуви.

Такая «петрушка» была с любой обувью, и с мужской, и с женской, и с летней, и с зимней. Но, благодаря терпению, желанию, настойчивости, заботе профсоюзов, которые порой устраивали на предприятиях и в организациях распродажи «для своих», все мы в итоге, во всяком случае – в Москве, – были обуты, не разнообразно, но весьма прилично, даже – модно. Сложнее было провинциалам.

Мои любимые «ростовские» (мы так определяли нашу родню: «московские» и «ростовские» родственники) тётя и дядя всю жизнь жили в провинции, они были инженерами-строителями и много чего построили за свою жизнь, в том числе – и замечательную семью с тремя детишками (подвиг по тем временам, да и сейчас!) При этом они были красивы и всегда старались одеваться, как сейчас говорят, стильно. И как это сделать в провинции?

Конечно, шили и вязали практически все. В те времена, помимо ателье, было огромное число частных портних, они нигде не числились, но были хорошо известны благодаря сарафанному радио. Они вынуждены были скрывать эту свою деятельность, поэтому попасть к ним можно было только «по рекомендации». Моя другая тётушка – Клава – была из их числа. Причём, благодаря своему вкусу и умению, она имела весьма хороший доход и элитную клиентуру, у неё шили платья и пальто даже балерины Большого театра. И при этом она не была профессиональной портнихой, по-моему, даже никогда этому не училась. Так что, пошить – не вопрос. Вопрос – из чего.

И вот тут нужно было отправляться «на добычу» в столицу. Приезжих в Москве было всегда много, и они были заняты поиском товаров в магазинах, поэтому очереди были даже в магазинах «Ткани», что сейчас трудно себе представить. Когда перед Олимпиадой-80 въезд в Москву был ограничен, прежде всего бросилось в глаза отсутствие толп покупателей в магазинах.

В семье моих родителей императивом было привезти всем родственникам (по списку!) подарки из-за границы, поскольку мои родители (в силу специфики работы отца) ездили в загранкомандировки, а они – нет. Привозили не сувениры и не готовую одежду или обувь, а, в первую очередь, «отрезы», пряжу для вязания, шарфики-платочки, галстуки и другие милые вещицы. Всё это раздаривалось и, что приятно, вспоминается родней с теплотой до сих пор. Но! Командировки были не частыми, а жизнь шла, дети росли, одежда и обувь портилась и нужна была новая. Поэтому наши родственники, как и все провинциалы, отправлялись в Москву, чтобы прикупить что-то. Дядя часто ездил в командировки, решал вопросы строительства, а всё свободное время отдавал «добыче». Он был добытчиком в семье и, по-моему,

очень этим гордился. Тётя давала указания издалека. Когда он приезжал, то всегда останавливался у нас дома.

Процесс «доставания чего-либо» был вынужденным развлечением части населения (прежде всего тех, кто стремился к какому-то благополучию), а по мере усугубления экономической ситуации и исчезновения с прилавков продуктов он стал всеобщим.

Я помню период, когда дядя покупал и вёз домой только что-то из одежды, обувь, игрушки для детей, ну, ещё кофе из Елисейского магазина. Помню и период, когда он возил кур, колбасу и масло, гречку и апельсины... Он был вынужден это делать, хотя и занимал должность главного инженера крупного строительства. Было ему стыдно или неловко этим заниматься? – Нет! Надо было жить в предлагаемых обстоятельствах, а наш народ умеет это, наверное, как никакой другой.

Москвичи, конечно, слегка «скрипели» из-за наплыва иногородних в московские магазины, но все всё понимали, у всех были родственники или друзья в провинции. «Непонимающих» было мало. Я встречала таких, работая в Академии. У нас в отделе работала замечательная женщина, Зоя Дмитриевна. Она выросла в семье аппаратчиков ЦК КПСС, она всю жизнь проработала в Академии, она была замечательным, добрым, одиноким и ... оторванным от реальной жизни человеком. Как-то я вернулась из очередной командировки в город Горький и рассказала, что там в магазинах нет мяса вообще, а только жир и кости, она мне не поверила и долго считала, что я «очерняю» действительность.

Так вот, проблемы и переживания начинались у моего дяди уже дома, когда тётя начинала «приём товара». Очень многое из того, что он покупал, решительно не соответствовало вкусу тёти. Что делать, ведь он должен был покупать и женские вещи. А тут выбор мужчин и женщин, их предпочтения очень часто не совпадают. Особенно это касается обуви. Одни туфли, чуть ли не запущенные с гневом в его сторону, он припоминал потом всю жизнь.

Та обувь, которую «выкидывали» в магазины, закупалась нашими внешнеторговыми организациями, как правило – в странах соцлагеря: Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии (югославская была лучшей). Качество – весьма и весьма приличное. Но что-то мне подсказывает, что ассортимент её определяли мужчины. Поэтому мы и скакали по сугробам на каблуках. Да, каблуки были в то время в моде, но зима в Европе и у нас – это, как ни крути, не одно и то же. Когда родители осчастливили меня возможностью купить сапоги за валютные чеки в «Берёзке», и я купила чудесные австрийские сапожки БЕЗ каблука, я, наконец, в буквальном смысле почувствовала почву под ногами.

В принципе, я ничего не имею против обуви на каблуках, просто считаю её неудобной, неустойчивой, сковывающей. Эта обувь требует к себе уважения: передвигаться желательно не спеша, ходить на каблуках (высоких) нужно уметь, иначе есть риск превратиться в подобие жука на согнутых коленках, нужно дружить с обувной мастерской, потому что набойки на каблуках стираются, слетают, их нужно менять, да и сами каблуки ломаются. Поломка каблуков, кстати, сюжет, обыгранный во многих фильмах. Как мужественно и умело выглядят там мужчины, подхватывающие девушек на руки, прибывающие каблуки!.. У меня каблук сломался на лестнице, когда я, спускаясь, зацепила им ступеньку. Я пролетела всю лестницу вниз и, в итоге, разбила подбородок. Коллеги «мужественно» помогли, отвезли в поликлинику. А на всю жизнь остался на подбородке шрам. Такие или подобные истории, думаю, могут вспомнить многие женщины. Чего стоит, например, спуститься на шпильках по эскалатору в метро.

Так что, когда в моду вошла обувь на танкетках, я была очень рада и полюбила их всей душой!

А уж мода на обувь без каблука – абсолютно моя! Спасибо, что весы моды качнулись в её сторону именно тогда, когда мне это было особенно нужно, а именно, когда у меня появилась семья и детишки и связанные с этим хлопоты. Мне кажется, я никогда столько не гуляла, как в период, когда росли дети. Я курсировала по маршруту: детский сад, школа, музыкальная

школа, магазин, дом, по-моему, непрерывно. Преодолевать эти расстояния в обуви на каблуках было бы невозможно. А если ребёнок просится «на ручки»? Как это сделать на каблуках? Я бы, наверное, это делала и на каблуках, потому что не хотелось снижать планку своего стиля. Хотелось быть удовлетворённой своим отражением в зеркале. Но это было бы и сложнее, и травмоопаснее. Поэтому появление разнообразных симпатичных моделей мокасинов, туфелек-балеток, эспадрилий было очень кстати. И кроссовки, конечно!

С кроссовками, кстати, так полюбившимися всем, последние годы происходит явный перебор: они вытесняют любую другую обувь. Их носят и зимой, и летом, и с джинсами, и с платьями, и с мужскими костюмами. И в лес, и в театр... Да, они очень удобны и по-своему красивы. Но мне кажется, что эта история с кроссовками – часть той самой унификации, усреднения всего и вся, в которой мы погрязли.

Поэтому, хоть я и не люблю обувь на каблуках, пусть она будет, в том числе – и в моём гардеробе. Вот только надевать её, если вы не привыкли носить её всю жизнь и нет каких-то физиологических причин (маленький рост, деформация стопы «под каблук» и т. п.), нужно при соблюдении нескольких условий.

Во-первых, нужен повод, и он должен быть таким же красивым, как и обувь;

во-вторых, под ногами не должно быть скользко;

в-третьих, к обуви на каблуках желательна машина (или лошадь, если мы говорим о мужской обуви);

наконец, в-четвёртых, нужен мужчина, который оценит ваши каблочки!

ПАЛЬТИШКИ

Пальто – такая же почти неменяющаяся одежда, как и само слово, её обозначающее: несклоняемое, не имеющее множественного числа, типичное исключение в русском языке. Пальто умудряется жутко надоедать, потом исчезать и появляться снова практически в неизменном виде. Меняются ткани, но не меняется образ.

Всё своё детство я проходила в зимние месяцы в пальто. И если детские пальтишки были ещё более-менее симпатичными, даже – весёленькими по цвету, то на пороге вступления во взрослую жизнь я столкнулась со взрослыми классическими пальто, и с той поры во мне расцвели к ним негативные чувства. Тяжёлые, неудобные, что с ними не делаешь – красивее не становятся!

Поэтому, когда в 15 лет я получила в подарок куртку, привезённую кем-то из папиных друзей из-за рубежа, я без капли сожаления рассталась с классическим пальто на долгие годы. Курточка моя, надо сказать, была довольно холодной, не рассчитанной на нашу зиму, что называется, «на рыбьем меху». Как я сейчас понимаю, это было моё первое свидание с синтепоном. Но, во-первых, она была оранжевой, во-вторых, с карманами на молниях и, в-третьих, с капюшоном. И я с восторгом носила её даже в сильный мороз, категорически отказываясь выполнить требование родителей и надеть пальто. Конечно, чтобы не мёрзнуть, приходилось идти на ухищрения: надевать под неё тёплый-претёплый свитер или кофту, сшить брюки из отреза толстой шерсти, накручивать шарф. Да всё, что угодно, только не назад в пальто!

Родители моих чувств не разделяли. Для их поколения пальто обладало ценностью, пожалуй, не меньшей, чем шинель для Акакия Акакиевича из повести Н. В. Гоголя. «Справить» пальто было серьёзным предприятием. Можно было, конечно, купить готовое, но уж очень примитивными были модели, предлагаемые в магазинах. Большинство шило пальто на заказ в ателье или у портних, по индивидуальным меркам. Тогда не было понятия «оверсайз», наоборот, пальто должно было быть сшито «по костям», чтобы никто не подумал, что оно «с чужого плеча».

Поэтому сначала приобретался «отрез» драпа или букле, затем всеми правдами и неправдами доставался мех на воротник. Я, честно говоря, даже не знаю, где. По-моему, доступным простому человеку мехом были только кролик и цигейка, а на воротниках у взрослых присутствовал каракуль, норка, бобёр, позже – лиса и песец. Дальше – подкладка, ватин. И со всем этим добром – сдаваться швеям, а потом ждать, ездить на примерки, в общем, целая эпопея. Если кто-то из вас когда-нибудь вспарывал подкладку тех старых «добротных» пальто, тот, думаю, как и я, был поражён, сколько всего ещё находится под ней. Я, например, обнаружила там жёсткие укрепляющие материалы с конским волосом, очень плотные бортовки, ватные подплечники, ватин, и всё это часто – не в один слой. Этаким многослойный пирог. Все материалы, естественно, натуральные, а потому тяжёлые.

Если уж пальто шили, то на много лет. Если верхний слой ткани становился непрезентабельным, пальто перелицовывалось: распарывалось и сшивалось изнаночной стороной наверх. Я говорю о зимних пальто, поскольку демисезонных пальто что-то у родителей, бабушек и дедушек и не помню. Осенью носили плащи, а потом сразу – в пальто.

Некоторые женщины носили шубы. В отличие от пальто шуба была уже роскошью, сравнимой с румынским мебельным гарнитуром или ковром. И такое отношение к шубам, пожалуй, живо до сих пор.

В нашей семье не было ни гарнитура, ни ковра. И, видимо, под давлением родственников или просто, чтобы сделать маме приятное, была предпринята попытка покупки шубы. И где-то в середине 50-х (то ли по талонам, то ли просто – «выбросили») после того, как отстояли в ЦУМ несколько часов, родители купили шубу. Я даже не знаю – какую, я её ни разу

не видела. А мама – ни разу не надела! Она была удивительно скромным человеком и, видимо, так и не собралась с духом предстать в образе «роскошной женщины». Куда шуба делась, я не знаю, а история мне стала известна от тёти, которая сама была модница и роскоши не чуралась, поэтому не понимала такого поведения.

Другая «шубная» история – от моей любимой свекрови. В начале 80-х она получила наследство от своей тёти, полжизни прожившей с мужем в Чехословакии. По доброте душевной она решила сделать щедрый подарок своей первой невестке, купила и привезла ей шубу. Свекровь, человек очень эмоциональный, надеялась на восторженную реакцию. А получила в ответ сухую, дежурную благодарность. Может, шуба не понравилась или не подошла... Свекровь моя очень обиделась и не могла простить этого факта всю жизнь.

Это я к тому, что шуба воспринималась как абсолютная ценность, независимо от того, удобная она или нет, подходит ли женщине, из какого меха. Шуба – это шуба! К ней было отношение, как к живому существу: «Пойду, прогуляю шубу! Надо шубе проветриться! Шубка моя заскучала!» Такое вожделение шубы в 90-е вылилось в то, что мы все накупили аргентинских шуб из нутрии, которые появились в магазинах в невероятном количестве и по доступным ценам. Качество и самих шуб, и меха было, как потом выяснилось, ниже среднего. Но несбыточная до этого для многих мечта иметь шубу была осуществлена. Мне тоже была мужем куплена такая как подарок на День рождения. И я была рада! Год поносила, мех начал вылезать, швы рваться. Упрятала её в дальний угол гардероба. Её, может быть, и можно было ещё поносить, но, когда все вокруг, независимо от возраста, ходят в подобных шубах, это выдержать уже невозможно! С той поры и, думаю, навсегда, шуба для меня – пустое место. Совсем другое дело – дублёнка!

Историки моды проследили, что дублёнка имеет русские корни и пошла от овчинного тулупа. Конечно, это так. И, как это часто у нас бывает, опять совершив освежающие процедуры в модных домах Франции, Италии, США, тулупы вернулись к нам в новом свете. Когда всем захотелось иметь дублёнку, а их в продаже не было, даже в Москве модники стали носить укороченные тулупы, поскольку отечественная промышленность, как всегда, не среагировала.

Дублёнка прилетела к нам почти одновременно с джинсами, как противовес классическим пальто и шубам – свободная от канонов, разнообразная, неформальная. Своей демократичностью она привлекла огромное количество поклонников обоих полов и всех возрастов. Мы снова быстро считали сигнал из массовой культуры: Битлы сделали фотографию в дублёнках, в фильме «Мужчина и женщина» героиня – в дублёнке, и герои «Иронии судьбы» опять же.

Любовь к дублёнкам у многих длится всю жизнь. И даже с развитием зоозащитного движения, когда шуба из натурального меха стала социально неодобряемой, дублёнка не особо пострадала, поскольку баранину есть продолжали и отказываться от потребления мяса люди в большинстве своём не собираются.

В нашей семье дублёнки сыграли очень большую роль. Собственно, в самом возникновении семьи поучаствовала моя болгарская дублёнка.

1984 год. Мы с Володей работаем в одном институте, в одном кабинете в здании на Садовой-Кудринской, 9. Оба состоим в законных браках, у обоих они не очень удачны, маемся в них. Поэтому домой не особо спешим. «Флюиды» летают между нами уже года четыре, но этой зимой они становятся неуправляемы. Вспыхивает очень сильное и страстное чувство, справиться с ним, обуздать его уже невозможно.

Вечер, рабочий день давно закончен, снег за окном, кабинет закрыт на ключ изнутри, моя дублёнка брошена на пол... С тех пор мы вместе. И каждый год в середине января отмечаем День первого поцелуя, как мы его целомудренно назвали, и вспоминаем участницу события – дублёнку.

Дублёнки прокормили нас осенью 1992 года. Сейчас часто вспоминают 91-й, разбираются в причинах и следствиях. Но самым тяжёлым был, во всяком случае, для семей, 92-й. Денежная реформа начала года, ликвидация сбережений, отсутствие зарплат и бешеные цены, потеря работы, разгул бандитизма, беспризорники(!) и бомжи на московских улицах. И ожесточённые споры на кухнях, особенно – между представителями разных поколений. И кругом – ложь и обман. Как выживать? Но – надо. К осени ситуация в семье такова: годовалый ребёнок на руках, которому, к счастью, ещё положены бесплатные продукты, распределяемые через молочную кухню, дед-пенсионер, чья пенсия идёт на общие нужды, гуманитарная помощь (знаменитые «ножки Буша» и не только), копеечное пособие по уходу за ребёнком и отсутствие зарплаты по месту работы мужа в театре. Потому как театр – на хозрасчёте, а у зрителей элементарно нет денег на развлечения. Муж крутится как белка в колесе, чтобы обеспечить семью: «бомбит» вечерами и ночами на машине, соглашается на любые халтуры (в основном – рекламу). Если у нас лежала в заглазнике 1000\$, мы считали, что семья в полном порядке и мы продержимся несколько месяцев. Мы крутились и выкручивались, а кто-то в это время прихватывал заводы...

Единственный плюс этой ситуации в масштабах нашей семьи – бешеная популярность всего русского за рубежом. Поэтому театр стал активно ездить на гастроли, нёс отечественную культуру по миру и обеспечивал жизнь семей актёров здесь. Но отнюдь не за счёт гонораров, их практически не было. Ребята экономили небольшие суточные, выдаваемые им принимающей стороной (которая сама на них хорошо зарабатывала), приторговывали водкой и сувенирной атрибутикой, на эти деньги покупали на блошиных рынках вещички и везли сюда, чтобы продать. Так у нас появились две дублёночки с блошиного рынка из Швеции. И муж поехал в Лужники, уже на наш блошиный рынок, их продавать. И, краснея, смущаясь и отводя глаза от знакомых (которые там встречались, поскольку интеллигенция пострадала от той ситуации не меньше, если не больше других групп населения и вынуждена была распродавать нажитое: вещи, книги), торговал. И продал! Эти дублёнки кормили нас два месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.